

В.Г. НИКОЛАЕВ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СОЦИОЛОГИИ Э.Ч. ХЬЮЗА*

В статье анализируется внутренняя конституция социологии Эверетта Хьюза; для этой цели используется модель «научного континуума», предложенная Дж. Александером.

Выделяется пресуппозиционное ядро, заложенное в его имплицитной схеме соотнесения; оно трактуется как многомерное. Далее рассматривается хьюзовская трактовка «институтов» как базовых единиц изучения в этой схеме соотнесения. На основе прояснения композиции социологии Хьюза определяется место, занимаемое в ней экологической точкой зрения. Выделяются основные экологические аспекты институтов, принимаемые Хьюзом во внимание: аспект выживания институтов в среде, пространственный аспект, аспект разделения труда и аспект доминирования.

In this paper the constitution of sociology of E. C. Hughes is analyzed in terms of the model of “scientific continuum” suggested by J. Alexander. Presuppositional core which constitutes the Hughesian basic frame of reference is explicated; it is interpreted as multidimensional. Then the Hughesian treatment of “institutions” as basic units of study within this frame of reference is considered. On the basis of explication of the composition of Hughesian sociology the place of the ecological point of view within it is determined. Four main ecological aspects of institutions taken into account by Hughes are explicated: aspect of survival in environment, spatial aspect, aspects of division of labor and of domination.

Ключевые слова: *чикагская социологическая традиция, схема соотнесения, имплицитная теория, пресуппозиции, многомерность, интерпретативная институциональная экология, взаимодействие, институты, выживание, пространственный аспект институтов, разделение труда, доминирование.*

Keywords: *Chicago sociological tradition, frame of reference, implicit theory, presuppositions, multidimensionality, interpretive institutional ecology, interaction, institutions, survival, spatial aspects of institutions, division of labor, domination.*

Эверетт Черрингтон Хьюз (1897–1983) — одна из самых интересных фигур в чикагской социологической традиции. Получив социологическое и антропологическое образование в Чикагском университете (1923–1927) и защитив там докторскую диссертацию (1928), он работал в университете Макгилла в Монреале (1927–1938), Чикагском университете (1938–1961, с 1952 по 1956 г. — декан факультета социологии), университете Брандейса (1961–1968) и Бостонском колледже (1968–1977), читал лекции во Франкфуртском университете (1948). В 1952–1960 гг. Хьюз

* Статья подготовлена в рамках индивидуального исследовательского проекта № 08-01-0051 «Теоретическая логика в чикагской социологической традиции: многомерность и редукция в различных версиях человеческой экологии», выполненного при поддержке Научного Фонда ГУ-ВШЭ.

был редактором «American journal of sociology». Его избирали президентом Американской социологической ассоциации (1962–1963), Восточного социологического общества (1968–1969) и Общества прикладной антропологии (1951–1952); в Канаде он был избран почетным пожизненным президентом Канадской ассоциации социологии и антропологии. Хьюзом были написаны две монографии («Рост института: Чикагское агентство недвижимости», 1931; «Французская Канада в период перехода», 1943), обе классические, а также множество очерков, статей и рецензий. Последние несколько раз издавались в виде сборников; наиболее полный и представительный среди них – последний, «Социологический глаз» (1971; второе издание 1984 г. снабжено предисловием Д. Рисмена и Г.С. Беккера). Хотя приведенные факты составляют солидный послужной список, они всего лишь очерчивают внешнюю сторону биографии Хьюза и не дают представления о действительной значимости этого ученого.

Российским социологам Хьюз почти совсем неизвестен. Он крайне редко цитируется в отечественной литературе. Хотя в советское время и после распада СССР на русском языке было опубликовано несколько его коротких произведений [3–11], признаков того, что они были прочитаны, осмыслены и интегрированы в наше профессиональное знание, не видно. Это положение дел несколько контрастирует с тем, что можно наблюдать в западной социологии. Хотя А. Стросс в 1995 г. сетовал: «Кто теперь читает Эверетта Хьюза?» (с явной аллюзией на парсонсовское «Кто теперь читает Герберта Спенсера?»), – поток специальных публикаций о Хьюзе невелик, но все-таки продолжается. Это работы И.Х. Симпсон [30], И. Чиноя [14], А.К. Дэниелс [15], Дж. Фота [16], Д. Рисмена [29], К. Хита [17], Р. Вейсса [33], Ж.-М. Шапули [13], Р. Хелмс-Хейеса [19–22], Г. Яворски [26] и др. Одна из причин того, что о Хьюзе пишут сравнительно немного и редко, состоит в специфике его научного наследия: оно очень трудно поддается систематизации. В частности, Р. Хелмс-Хейеса, пошедшего дальше всех в попытках эксплицировать теоретический подход Хьюза, отговаривали от этого Л. Козер, Г.С. Беккер, А. Стросс, Дж. Платт, О. Холл, Ж.-М. Шапули (автор французского перевода «Социологического глаза», увидевшего свет в 1996 г.), Г.А. Файн, Дж. Гасфилд, одни – по причине невозможности этого, другие – ввиду того, что это, быть может, делать не стоит, так как подход инкорпорируется в работы самого Хьюза и вполне работоспособен в этой форме [21, 220–226]. Кроме специальных публикаций о Хьюзе есть поток литературы о чикагской социологии вообще, в которой его имя регулярно фигурирует, и корпус публикаций, в которых развиваются конкретные плодотворные идеи ученого (например, концепция «грязной работы»).

Почему наследие Хьюза заслуживает сегодня внимания? Во-первых, это один из влиятельнейших – и, возможно, один из самых оригинальных и утонченных – социологов второй половины XX в. Его вклад далеко не исчерпывается социологией работы и профессий и социологией расовых и этнических отношений, с которыми его в основном идентифицируют. В корпусе его текстов есть скрытая общая логика, позволяющая связывать социальные феномены, на первый взгляд друг с другом не связанные. Так, в очерке «Хорошие люди и грязная работа» устанавливается связь между такими феноменами, как нацизм, разделение труда, предубеждения, секта, священное, власть [11]. Перспектива, дающая такие возможности, является крайне заманчивой. Пока мы о ней лишь мечтаем. Во-вторых, Хьюз – один из клю-

чевых представителей чикагской социологической традиции (одной из наиболее успешных в истории нашей науки), ученик и друг Р.Э. Парка [16, 73; 17, 219; 25, VI-VII; 29, 477, 480], один из основных претендентов на место его интеллектуального наследника (наряду Л. Виртом, Г. Блумером, Ф. Хаузером, Р.Д. Маккензи и Э. Хоули) [19, 405; 21, 218], крупнейший зиммелианец в послевоенной социологии США [27, 406-408], наставник Г.С. Беккера [17, 229; 28, 23], Э. Гоффмана [13, 20; 17, 228; 18, 187; 26; 29, 478; 31, 653], А. Стросса [17, 228], Д. Роя [13, 17], других менее известных, но интересных и тонких исследователей. В-третьих, Хьюз дал нам один из поучительных образцов соединения теории с эмпирической работой. Этого достаточно, чтобы внимательнее взглянуть на его наследие. Результатом этого любопытства может стать не только лучшее понимание истории дисциплины, но и углубление наших представлений о внутренней логике, возможностях и границах социологического познания.

Своеобразие социологии Хьюза

Социология Хьюза весьма сложно устроена и во многих отношениях необычна. С одной стороны, ей присуща подчеркнутая ориентация на эмпирическое фундирование высказываний и исключительное внимание к конкретным деталям и случаям, почерпнутым из исследований и из личного опыта самого Хьюза. С другой стороны, эти частности не являются самоцелью, а служат выяснению «форм и природы социального взаимодействия» [17, 220]; Хьюз всегда «ясно и подчеркнуто верен главной теоретической цели социологии – развитию все более общих положений об обществе и их применению к частным ситуациям» [14, 561]. В итоге возникает парадоксальный эффект, когда эмпирики видят в Хьюзе теоретика, а теоретики – эмпирика. Хьюз был и тем, и другим. Знаящие его коллеги отмечали присущее ему «особое двойное видение, схватывающее частное и общее почти одновременно» [26, 302].

Диалектическое совмещение уникального и регулярного, частного и общего, конкретного и абстрактного, свойственное Хьюзу и роднящее его с Зиммелем и Парком, соответствует его особому пониманию социологии, которая должна, с одной стороны, «анализировать процессы человеческого поведения... в терминах, относительно свободных от времени и места», а с другой – «рассказывать новости в такой форме и перспективе... чтобы дать ключи к использованию шансов, из коих состоит действие»; социология «пребывает в напряжении между тем и другим» [25, 299]. Такой подход превращает любые исследуемые объекты – иммигрантские сообщества и институты, расовые отношения, профессии, работу, секты – в своего рода «лаборатории» для познания других объектов, а тем самым и общества как такового [15, 403; 25, 303]. Пользуясь любой темой как «лабораторией», Хьюз свободно переходит от одних объектов к другим; о чем бы ни была та или иная статья Хьюза, она всегда о чем-то еще. Сравнительный метод, который Хьюз считает инструментом получения обобщений и гарантией от «этноцентризма» [25: 70-72, 200-201, 473-477], принимает у него форму трансконтекстуальных «свободных ассоциаций» [14, 560; 25, VI]. Опора на этот метод позволяет ему, например, дополнять список индустрий такими, как рекламная, образовательная, ресторанная, профсоюзная, медицинская, спортивная [25, 298], сравнивать мусорщика и врача [25, 299], психиатра и проститутку [7, 386], секты, молодежные движения и деловые предприятия [25, 52-64], государство и рэкет [25, 10]. Эти сравнения позволяют Хьюзу вычленять «формы», незави-

симые от времени и места. За счет этого в его работах, что бы в них ни затрагивалось, обнаруживаются сквозные линии, внутренняя последовательность, «преемственность идей и тем» [30, 547]. В частности, он писал: «Те из нас, кто занят промышленной социологией, не должны ни на дюйм отходить от позиции, что то, что мы делаем, — такая же общая социология, как и любая другая» [25, 525]. Он (как и Р.Э. Парк) был убежден, «что каждое событие имеет место где-то в универсальных человеческих процессах, что ни одна ситуация не может быть понята, пока в ней не будут найдены универсальные качества, позволяющие сравнить ее с другими ситуациями — сколь угодно близкими или далекими во времени, пространстве или по внешнему виду» [25, 548].

Вместе с тем Хьюз не систематизировал свой теоретический подход [13, 20-21; 14, 562; 15, 402; 25, ix; 30, 547], отрицательно относясь к «опоре на негибкий набор понятий» [16, 77], «всякому виду догматизма» [13, 21], «гипостазированной доктрине» [20, 632], профессионализации социологии вообще [14, 563] ввиду той опасности, которые они несут полевой работе как эмпирической основе социологического познания [13, 21; 14, 562]. Его позиция соответствует прагматистской трактовке научного исследования, принятой в чикагской социологии: «предлагаемые им понятия, обобщения и теоретические формулировки никогда не видятся как окончательные, но лишь как предварительные утверждения, которые подлежат дальнейшему уточнению по мере того, как будут исследоваться новые ситуации и заново изучаться старые» [14, 562]. С одной стороны, сила социологии Хьюза видится именно в ее незавершенности и открытости [15, 402]. С другой, — именно отсутствие систематизации создает проблему, витающую рядом со всеми попытками выяснить, на чем же собственно держится эта сила. Лучше всего суть этой проблемы установил Ж.-М. Шапули: «Очерки [Хьюза] написаны в основном по конкретным поводам; свободно развивая небольшое число понятий, его работа дает набор тонко продуманных идей, очерчивающих аналитическую перспективу для подхода к социальной реальности. Но эти очерки по форме и содержанию мало напоминают то, что понимается сегодня под “теорией”... В очерках дается мало общих положений, из которых можно было бы выстроить “теорию” того или иного хорошо определенного разряда феноменов» [13, 4, 20]. Речь идет о том, был ли вообще Хьюз теоретиком, а если да, то в каком смысле.

Природа теоретизирования в работе Хьюза

Ввиду отсутствия у Хьюза эксплицитной теоретической системы, его обычно не рассматривают как теоретика, причем, как отмечает Р. Хелмс-Хейес, «даже те, кто пишет ныне о его наследии» [20, 626]. По словам Дж. Гасфилда, «Эверетт был... из тех, у кого социология всегда “заземлена”, и немного недолюбливал тех, кто “занимается теорией” и пренебрегает ее заземлением... На самом деле, думаю, его насмешила бы мысль, что он теоретик» [цит. по: 20, 628]. Если рассматривать «теорию» только в этом смысле, то ее у Хьюза определенно нет. В этом случае вкладом Хьюза обычно считают разработку нескольких полезных понятий и специализированных «теорий среднего уровня».

Вместе с тем даже противники отнесения Хьюза к стану теоретиков признают наличие у него ускользающей «базовой теоретической схемы», или «имплицитной модели». Если рассматривать этот не эксплицируемый, «менее формальный, введ-

ливый и грандиозный» вид теоретизирования как «теорию», то такая теория у Хьюза есть; и это вписывает его в чикагскую традицию, видевшую теорию как «часть социологического предприятия» и не признававшую ее ни в какой другой форме [20, 630, 631; см. также: 1]. В этом смысле, по словам Р. Вейсса, Хьюз «был... сильным теоретиком, но не из тех, кто интересуется развитием чистой теории на манер Парсонса» [цит. по: 20, 631].

Среди тех, кто признает наличие у Хьюза имплицитной теории, мало кто считает ее целостной и систематической. Среди этих немногих можно назвать И. Симпсон [30] и Р. Хелмс-Хейеса [19-22], пытавшихся изложить ее в связном виде и сделавших это очень по-разному. Недостатком обеих попыток, при всех их несомненных достоинствах, является недостаточно проработанное понимание структуры социологического знания: оба автора ограничиваются противопоставлением теории (или «схемы соотнесения», как предпочитал говорить Хьюз [20, 660]) и эмпирических наблюдений, не принимая во внимание неоднородную структуру «теории». На наш взгляд, применение к социологии Хьюза аналитической модели, разработанной Дж. Александером [12, XVII-XXV; см. обзор: 2], позволяет лучше понять ее структуру и избавиться от ряда ошибок, утвердившихся в ее толковании.

Александр различает в социологии следующие компоненты: общие пресуппозиции, модели, понятия, определения, классификации, законы, пропозиции, корреляции, методологические допущения и наблюдения [12, XVIII]. Для нас важно, что пресуппозиции (общие допущения о природе действия и социального порядка) независимы от других компонентов и не могут быть из них выведены, что они задают общие рамки для остальных компонентов, жестко их не предопределяя, что пропозиции не могут быть выведены из этих рамочных допущений, но должны соответствовать им и вытекать из эмпирических наблюдений (обладающих независимостью от методологических и теоретических допущений). В социологии Хьюза все названные компоненты сплавлены в амальгаму и не могут быть вычленены в чистом виде. Тем не менее в том, что в дискуссиях о Хьюзе фигурирует совокупно как его имплицитная «теория» или «схема соотнесения», нужно выделить два слоя, очень отличных друг от друга.

Во-первых, есть слой содержательных пропозиций, или обобщенных утверждений о социальном мире. Именно к нему надо отнести веру Хьюза в то, что «наблюдение предшествует теории» [33, 543], и именно его имеет в виду Хьюз, говоря, что обобщение «приходит из наблюдения, описания и сравнения множества действительных организаций или ситуаций, в которых люди находятся во взаимодействии. Социологические обобщения приходят из специальных социологий, а не только применяются к ним» [25, 525]. Этот слой в теории Хьюза — прототип «grounded theory» [20, 629].

Во-вторых, есть слой пресуппозиций, т.е. самых общих допущений, не выводимых из наблюдений. Хьюз пишет, что «каждая отрасль [знания], поскольку она претендует на научность, имеет свою особую схему соотнесения для открытия фактов, своего рода призму, через которую определенные проблемы и факты входят в сферу нашего внимания» [3, 120]. Именно эта «схема» придает социологии Хьюза устойчивый каркас. Она почти не эксплицируется, но постоянно имеется в виду: «Сущность социологического воображения — свободная ассоциация, направляемая, но не парализуемая схемой соотнесения, интернализированной, но не совсем уж в бес-

сознательное. Она должна работать даже во сне, но пребывать там, откуда ее можно извлечь наружу волевым усилием» [25, vi].

В литературе о Хьюзе эти два слоя не разграничиваются. Элементы, относящиеся к обоим, кристаллизуются у Хьюза в так называемые «схемы (рамки) соотношения», и мы находим целую серию «рамок», обычно ясно друг с другом не соотношенных; но они явно укладываются в континуум от пресуппозиционных до прикладных, и первые в большей мере латентны, чем последние. Далее, в контексте нашей темы, нас будет интересовать только пресуппозиционный слой.

Было две попытки взглянуть на социологию Хьюза на этом уровне. А. Стросс выдвигает тезис, что чикагская традиция, в отличие от прочих, базируется на прагматистской теории действия/взаимодействия, у истоков которой стояли Мид и Дьюи и которая перешла через Томаса и Парка к следующим поколениям. «ИмPLICITное использование» этой схемы имело «судьбоносное значение» для этой традиции. Так, Хьюз «всегда работал в рамках [этой] схемы действия, опосредованной словами и работами Парка и Томаса... В итоге можно видеть, что его ученики, делая социологию, так же, как и он, мало цитируют прагматистов и определенно не цитируют их эксплицитную схему действия; тем не менее они имплицитно работают в рамках этой общей схемы» [32, 182-183]. Недостаток этой трактовки в том, что она не принимает во внимание пресуппозиции о природе социального порядка, а они сильно отличают Хьюза от таких чикагцев, как, например, Блумер или Хоули. Другую попытку рассмотреть пресуппозиции Хьюза в контексте Чикагской школы предпринял Дж. Фот [16]. Исходя из того, что пресуппозиции преимущественно латентны и включают, по определению Э. Тирикьяна, «экзистенциальные и метафизические основания, базовые определения ситуации, базовые подходы к реальности, не поддающиеся фальсификации никакими рациональными и эмпирическими средствами» [цит. по: 16, 73], Фот обнаруживает у Хьюза «преемственность с исходной чикагской программой» [16, 80]. Он предложил плодотворную идею, что чикагские пресуппозиции «тесно связаны с экологической и социально-психологической направленностью последующих исследований Чикагской школы» [16, 74], и призвал к «дальнейшему исследованию других членов Чикагской школы» для объяснения их «расходящихся приверженностей идентифицируемым пресуппозициям» [16, 81]. Однако к пресуппозициям у него причисляются столь разные компоненты из схемы Александра, что мы не можем воспользоваться здесь его полезными находками.

Далее мы будем исходить из того, что — в силу совмещения общего и частного — пресуппозиции неразделимо сливаются у Хьюза с моделями и небольшим набором базовых понятий. Поскольку такое же соединение мы видим у Парка, задавшего матрицу для позднейших чикагских социологий, мы будем рассматривать пресуппозиционный слой социологии Хьюза как воплощенный в этой амальгаме. Экологический аспект инкорпорирован в эту амальгаму как *пресуппозиционный компонент*. Это не просто модель и не факультативное методологическое привнесение. Прежде чем перейти к обсуждению этого аспекта, нам нужно обсудить понятия взаимодействия и института и их место в социологии Хьюза.

Взаимодействие и институты

По Хьюзу, «предмет социологии — взаимодействие» [25, 508]. Он исходит из интеракционистского понимания общества, характерного для чикагцев: «Общество

есть взаимодействие. Взаимодействие предполагает восприимчивость к другим» [25, VI]. Когда Хьюз говорит, что социология изучает «процессы, посредством которых устанавливаются и изменяются способы человеческого поведения», речь идет о том же [4a, 134]. Понятийный ряд «действие-взаимодействие-коллективное поведение» является пресуппозиционным. Ни одно из этих понятий не является рабочим инструментом исследования. Они всего лишь устанавливают ключевые параметры изучаемой реальности: воплощение в действии, процессуальность, развертывание в конкретных ситуациях. Эти параметры акцентируются в противовес нормативным: «Люди постоянно создают и разрушают нормы, и никогда не бывает момента, когда нормы были бы фиксированными и неизменными» [25, IX]. Предполагается, что общество не поддается познанию через априорные «нормы» и «ценности» (в противовес Парсонсу); оно гораздо более гибко и динамично.

Перевод пресуппозиций, заключенных в понятии «взаимодействие», в исследовательскую перспективу осуществляется через их инкорпорацию в понятия, реферирующие к наблюдаемым объектам: «...целостности в человеческом социальном царстве... имеют сущность во взаимодействии» [25, 304]. Среди всех этих понятий центральное место занимает понятие института. Подобно им, оно связывает пресуппозиции с наблюдениями, но является наиболее бессодержательным и вместибельным: «...при изучении институтов мы сосредоточиваем внимание на формально установленных аспектах коллективного, или группового поведения» [4a, 136]. Социология определяется как *наука об институтах*: «Я понимаю изучение институтов как часть изучения общества в действии. Центр этой области находится там, где действие протекает в более или менее твердо установленных формах... Социология – та самая наука, которая особо и специально, по замыслу, а не по воле случая является наукой о социальных институтах» [3, 118-119]. Институты должны изучаться сравнительно [3, 124], как и все в социальном мире, о чем уже говорилось. Поскольку понятие «институт» внушает мысль о границе, в отличие от «взаимодействия», Хьюз уточняет, что ни один институт нельзя понять вне «интеракционной системы», или «социальной матрицы», в которую он включен как «часть» [25, 309].

Выбор Хьюзом понятия «институт» обусловлен институционально и биографически: на факультете социологии в Чикагском университете было три специализации – «человеческая экология», «социальная психология» и «социальная организация», – и Хьюз работал в последней [13, 15]. Термин «институт» соответствовал парковским «формам организации» и «формам ассоциации», был им функционально эквивалентен. Хьюз использовал его уже в диссертации (1928), полагая, что «для некоторых целей» это «самая плодотворная единица для исследования» [цит. по: 20, 639] (см. прим. 1).

Институт как основная единица анализа

Понятие «институт» у Хьюза охватывает все человеческие деятельности, *хотя бы в минимальной степени* организованные. Оно всегда обозначает *конкретные, единичные* образования. Это понятие имеет сложную и многомерную структуру. Хьюз использует в качестве точки отсчета крайний случай, когда коллективная деятельность организуется в форме учреждения, а затем расширяет объем понятия в нескольких направлениях, дабы оно позволяло видеть общество во всей его полноте, разнородности и изменчивости.

Точка отсчета. По Хьюзу, институт – это образование, в котором элемент *коллективного поведения* соединен с элементом *учреждения* [25, 5-6]. Он предполагает мобилизацию людей на «занятие мест – важных или не очень, случайных или постоянных, добровольно или же против воли – в коллективном предприятии (enterprise), осуществляемом более или менее установленным и ожидаемым образом» [3, 118]. Эти «места» называются «должностями» (*offices*); занимающие их люди – «должностными лицами» (*officials* [23] или *officers* [4]). «Должность» определяется как «стандартная группа обязанностей и привилегий, вручаемых персоне в некоторых определенных ситуациях»; и, по Хьюзу, именно «осознанное выполнение обязанностей в формально определенных должностях» отличает институт от «элементарных коллективных феноменов» [5, 127]. Ядерная интеграция института происходит вокруг «функционера или группы функционеров, действующих в признанных должностях» [25, 6]. Действия функционеров регламентированы; институты – это всегда «кластеры конвенций» [25, 53], «способы, или модальные точки, поведения в областях, в которых могло бы быть много иных способов поведения, нежели модальное» [25, 100]. Институты действуют в среде, в том числе человеческой, распределяя те или иные легитимные блага и услуги и удовлетворяя «нужды» популяции или какого-то ее сегмента; в этом состоят их функции.

По Хьюзу, такое узкое определение оставляет без внимания «самые интересные и значимые виды человеческих коллективных предприятий» [25, 52], «феномены коллективного поведения, возникающие в противовес принятому и ожидаемому социальному обычаю или за его пределами»; но эти феномены «принципиально важны для понимания институциональных процессов... процесс[ов], посредством которых коллективное поведение, возникшее вне формальных должностей и в отсутствие формальных правил, в которое втягиваются неконвенциональные группы людей в неожиданных ситуациях или против обыкновения, рождает из себя формальные должности, организованные группы, определенные ситуации и новый корпус санкционированных обычаев и обыкновений. Институты не рождаются полностью оформленными из головы Зевса. Прежде чем стать институтами, они становятся институтами в процессе» [4a, 136].

Расширения понятия «институт». Отвергнув узкое определение институтов и связанные с ним классификации (находимые, в частности, в любом сегодняшнем учебнике социологии), Хьюз предлагает относить к институтам: (а) не только легитимные и уважаемые институты, но и те, которые незаконно удовлетворяют легитимные нужды, удовлетворяют нелегитимные нужды или компенсируют неудовлетворение легитимных нужд [5, 98]; (б) не только формальные объединения, но и «более простые единицы социально установленного поведения» [25, 5; 3, 119]; (в) не только длительно существующие, но и недолговечные институты [25, 55]; (г) не только освященные временем, но и зачаточные формы, социальные движения, «новые предприятия», «эксперименты в деле, изменении и организовывании людей и вещей» [25, 53, 55]; (д) не только закрепленные в пространстве, но и лишённые ясной пространственной фиксации [25, 7]; (е) «многие из самых устойчивых форм коллективных усилий», обычно не принимаемые во внимание в силу их «прозрачности» [25, 53]; (ж) «все имеющиеся в обществе пока-еще-не, все недоделанные... не замечаемые и откровенно “анти”-поведения (goings-on)» [25, 53].

Основные элементы института. При рассмотрении «институтов» Хьюз принимает во внимание больше элементов, чем это обычно делается, и трактует их во многих отношениях неконвенционально.

1. Конституирующий элемент института – *должности*. Должность есть «определенный набор прав и обязанностей, который предоставляется некоему лицу, но может быть передан другому лицу каким-то принятым способом» [4б, 141]. Это может быть не только должность бригадира, но и «должности» родителя и собственника [5, 128], «должность домохозяйки» [4а, 153], «должностные обязанности мага в садоводстве» и «должностные обязанности вождя» [5, 129]; отец может братья как «должностное лицо» и «функционер» в семье [4б, 141]. Должности бывают декретированными и спонтанно сложившимися [4б, 142]; они могут приниматься и создаваться [5, 133]. Для должности характерны «безличный характер», установленный «паттерн ожидаемого поведения», реализующийся несмотря на смену лиц в ней [4б, 141; 25, 6]. Предел развития должности – ее «ритуализация» [5, 131]. Вместе с тем каждая должность изменчива и «имеет свою историю»; поэтому «история института вполне могла бы быть рассказана в терминах роста его должностей, с которыми отождествляются персональные роли последовательного ряда индивидов» [5, 128]. Должности служат «местами подсоединения индивида к институциональной структуре» [5, 135]; через них люди встраиваются в «социальный порядок» и изменяют его.

2. В каждом институте имеются *должностные лица*, приводящие его в движение своими действиями. Среди них выделяется «активное ядро людей» [25, 53], контролирующее институт и вырабатывающее стратегии его действия. Это могут быть либо «*функционеры*» в собственном смысле слова (если в должностях доминирует «ритуалистический» элемент), либо «*предприниматели*» (если в них сильнее элемент «предприимчивости» и «личной инициативы») [4б, 141; 5, 131; 25, 23]. В современных обществах, в силу ослабления традиционного контроля, элемент «предприимчивости» особенно важен [4б, 143]; это элемент «столкновения с обстоятельствами», без которого любой институт теряет связь с миром и свою мобилизующую силу (ибо традиции, вовлекавшей людей в «вечный» распорядок дел, нет). Соответственно, в *каждом* современном институте присутствует в той или иной мере «центр предприимчивости» [25, 62].

3. Вложение сил и времени в институт со стороны должностных лиц гарантируется их мотивацией. Последняя имеет глубинный характер: через участие в институтах выстраивается жизненная *карьера* человека; занимая должность, человек встраивается в общество, обретает *статус*, исполняет *роль*, получает *идентичность* (Я-концепцию) и становится *личностью* [4б, 141-147; 5, 133-134; 9, 23, 396]. Через должности институты сочленяются с карьерами и индивидуальными Я.

4. Кроме должностных лиц, в институте участвуют и «*другие люди*», которые «время от времени, от случая к случаю... втягиваются в орбиту взаимодействия» [25, 54]. Это могут быть клиенты, соседи, приверженцы, поставщики, зрители, общественность и т.д. и т.п.; в каждом конкретном случае значимы разные категории участников [4б, 144-146].

5. В институте всегда присутствует некоторый «*кластер конвенций*»: «верования и требования» [4а, 153-154], «социальной определение... того, как и когда им [его участника] надо действовать» [25, 54].

6. Наконец, в институт включаются «*материальные аксессуары*» [4а, 148], в разных случаях разные, в том числе здания [4б, 130].

Все эти компоненты сплавлены в подвижные конфигурации. Как пишет Хьюз, «институты, какими бы стабильными и неизменными они ни казались, – это непрерывно происходящие вещи (ongoing things)» [4a, 146].

Среды института. Каждый институт встроен в «сеть социальных связей» и должен изучаться «как часть тотального комплекса человеческих деятельности и предприятий» [25, 100]. Хьюз исходил из того, что мы не знаем заранее «пределов систем действия, которые мы изучаем», и должны эмпирически устанавливать их «в каждом отдельном случае» [25, 54]. Это означает, что среды института нельзя определить абстрактно. Типичными средами являются клиентская среда, среда, из которой черпается персонал, среда, из которой извлекается финансовая поддержка, политическая среда (особенно государство) и «сентиментальная среда», заключающая в себе определенные «жизненные стандарты», «чувства» и «мнения» [25, 11, 63; 4б, 132]. Это могут быть иные среды, в каждом конкретном случае разные. Из этих сред институт извлекает ресурсы, необходимые для продолжения его существования: персонал, клиентуру, лояльность, внимание, интерес, время, деньги, энергию, силы и т.д. [4a, 141; 4б, 132, 146; 25, 11, 22, 57, 62]. В конкретных случаях ресурсы опять же могут быть разными. Успешное извлечение ресурсов равнозначно выживанию института. Еще один аспект включения института в «социальную матрицу» – это выполнение *функций* и удовлетворение «*нужд*» («потребностей и желаний» [25, 118]). «Нужды» не могут быть определены абстрактно, а должны браться в «партикулярно определенных и культурно специфичных» аспектах [25, 6]. Это могут быть какие угодно нужды: в конголезских марках 1975 года, мятных пряниках, гомосексуальных партнерах, автомобилях не дешевле 250 млн. долл. и т.д. То же касается и функций [4a, 145]. Когда Хьюз говорит, что институты выполняют функции в органической системе, речь идет о сети, участники которой имеют *текущий* набор нужд и *текущий* ход взаимодействий (см. прим. 2). Рассмотрение движущихся институциональных конфигураций в постоянно меняющихся средах выводит нас на понятие «going concern» – центр и «квинтэссенцию» хьюзовской социологии (см. прим. 3).

Институт как «действующее предприятие». Хьюз определяет все институты как «действующие предприятия» (going concerns): «В любом обществе есть определенные мобилизации людей на самовыражение или действие. Это – “действующие предприятия”. Одни люди удерживают их в движении. Другие люди движимы ими или к ним время от времени и тоже позволяют им продолжаться... Желая изучить человеческое общество, мы должны обратиться к действующим предприятиям, которые подчинены моральным, социальным и экологическим контингенциям. Таким образом, институты обсуждаются... как предприятия, которые мобилизуют людей в различные должности или качества – и иногда внезапно перестают это делать» [25, viii]. Помимо прочего, понятие *going concern* снимает границу между объективным и субъективным, коллективным и индивидуальным: оно обозначает как «действующее предприятие» (в объективном смысле), так и «текущее дело», или «текущую работу» (в субъективном смысле). За счет своей многозначности это понятие поддерживает «интерес ко всякого рода вещам – индивидам, карьерам, социальным процессам, но особенно институтам – как действующим предприятиям» [20, 611]. Это дает ключ к лучшему пониманию взаимопереплетения институтов и карьер: карьеры и конкретные дела и начинания, из которых они складываются, тоже могут рассматриваться как «действующие предприятия» [5, 137-138]; социальная жизнь при

этом оказывается динамичным переплетением индивидуальных и коллективных предприятий, которые друг с другом конкурируют и друг к другу приравниваются; индивидуальные встраиваются в коллективные и формируются (вкуче с соответствующими Я) этим встраиванием, в то же время вдыхая в них энергию личностей, мотивированных на участие в них; так переплетаются в диалектической игре структуры и действия. Изучение действующих предприятий раскрывает «рабочую конституцию общества» [5, 138]. Иначе говоря, это общесоциологическое понятие с очень широкой референцией; и, следовательно, социология институтов Хьюза — это общая социология, а не частная отрасль социологического знания. В архивных бумагах Хьюза сохранилась запись: «*Going concern* — это идея, которую я развил... Я написал статью о *going concerns*... Я... помнится, как-то развил или подхватил эту идею очень рано в своей карьере... Во всех институтах есть должности, или установленные роли, но они постоянно пребывают в изменении. Изменение приходит из взаимодействия людей в этом *going concern* и в борьбе этого *going concern* за выживание в его ситуации. Эта борьба за выживание и адаптации к ней и есть то, что мы имеем в виду под человеческой экологией» [цит. по: 21, 219]. Человеческую экологию Хьюз развивал как *экологию институтов*. Поскольку общество отождествляется у него с взаимодействием, а совокупность действующих предприятий без остатка покрывает сферу последнего, то экология институтов — не частный раздел человеческой экологии и не приложение ее к частной предметной области, а экология как таковая. Приведенный выше пространственный анализ многомерности понятия «институт» позволит нам правильно истолковать ее место в социологии Хьюза.

Экологические аспекты в социологии Хьюза

Хьюз понимал под экологией перспективу, требующую рассматривать объекты в соотношении с их окружением [25, VII]. Экологическое видение может быть локальным, как в примере Д. Рисмена: «Однажды в Чикаго Эверетт взял меня с собой на работавшую еще тогда Пульмановскую фабрику — общинную утопию, которая внутри имела вид итальянской деревни, а снаружи была облеплена салунами и протестантскими церквями и профсоюзными организаторами. Это была экология» [29, 480]. Но оно может быть и более широким. Отход от экологии сообществ к экологии институтов позволил Хьюзу вовлечь в поле зрения такие экологически значимые процессы, как империализм, индустриальное развитие, миграции, культурные фронтиры, урбанизация, религиозное миссионерство и т.д. [4a, 149-151] Иначе говоря, экология у Хьюза не является макросоциологией, как ее обычно трактуют [20-21]; различие «микро-макро» для нее нерелевантно.

Основной интерес экологии связан с выяснением того, как и почему одни институты выживают, а другие — нет [30, 548]. Но аспект выживания не единственный. С ним у Хьюза тесно связаны пространственный аспект, аспект разделения труда и аспект доминирования. Рассмотрим их коротко в указанной очередности.

Аспект выживания. Институт сталкивается в своем существовании с «контингентностями», т.е. «стечениями событий и обстоятельств» [25, 55], с которыми он должен как-то справляться. Они «возникают из неизбежных связей социальных феноменов с другими социальными феноменами и с феноменами несоциальными» [25, 6]. Адаптируясь к изменчивым средам, институт трансформируется. Поскольку институты притязают на одни и те же ресурсы, они конкурируют между собой, причем

не только однотипные институты (например, учебные заведения за студентов и финансирование), но и институты разных типов (например, семья и научное занятие за время и силы ученого). Без изучения условий выживания институтов невозможно понять, почему они именно такие, какие есть. Контингенции выживания должны рассматриваться исторически. Например, в современном обществе с высоким уровнем развития техники, транспорта и коммуникации очень значимы, в отличие от традиционных обществ, контингенции, вытекающие из мобильности: ввиду мобильности обслуживаемой популяции институты не могут делать стратегические ставки на уже завоеванную клиентуру, на стабильность определения тех нужд, которые они эксплуатируют, и на то, что эти нужды непременно перейдут к следующим поколениям [25, 6-7]. Институты могут не только приспосабливаться к наличным средам, но и активно выбирать те, которые будут обеспечивать их ресурсами, нужными им для выживания и обретения преимуществ перед конкурентами [25, 62]; отсюда мобильность современных институтов (например, производств). Устойчивые институты сосуществуют в одном поле с «более живучими формами коллективного поведения», имеющими такие преимущества, как гибкость, подвижность, нескованность регуляцией, отзывчивость к новому [4а, 146]; так, регулярные армии и войны регулярного типа конкурируют с партизанскими движениями и терроризмом. Поскольку институты так или иначе зависят в своем выживании от широкой публики, важным элементом их борьбы за выживание является завоевание и сохранение их публичной легитимности [4б, 159-162].

Пространственный аспект. Этот аспект изначально был важен для чикагских экологов, но Хьюз существенно его пересмотрел: если раньше внимание экологов было сосредоточено на территориальном сообществе и пространственных распределениях феноменов в его пределах, то теперь в центре внимания оказываются институты. Хьюз обосновывает это тем, что в современных условиях сообщество утратило определяемые границы и перестало быть удобной единицей для наблюдения [4б, 130]. Институты, в свою очередь, обрели автономию от локальных сообществ, и это имеет ряд серьезных импликаций. Во-первых, мобильность институтов регулярно сталкивает то тут то там способы действия, совместимость которых ничем не гарантирована; этот момент очень важен для хьюзовских исследований расовых отношений, классовых отношений, фронтиров, маргинальности и т.д. Во-вторых, большинство современных институтов пространственно «открыты», им приходится функционировать в условиях неясности границ, что, с одной стороны, открывает им неведомую ранее свободу действий, а с другой стороны — лишает тех определенностей, которыми наслаждались традиционные институты [25, 10]. В-третьих, изменился типичный способ локализации институтов: обычно в институтах выделяются «отдельные и наблюдаемые центры, или фокальные точки деятельности» [25, 9], которые физически размещаются в «зданиях, служащих их штаб-квартирами» [4б, 130]; охваты и периферии институтов могут быть разными, и их не видно. В-четвертых, институты скорее контролируют движения в пространстве, нежели занимают его [25, 9]. Отсутствие ясных границ интенсифицирует борьбу за выживание [25, 11].

Аспект разделения труда. «Разделение труда» — важное понятие в социологии Хьюза, в отличие от большинства нынешних социологий. Это понятие Хьюз заимствовал у Дюркгейма [10] и использовал на протяжении всей карьеры, прежде всего в исследованиях работы и профессий. Такая единица, как «социальный орган», в от-

личие от структурных элементов традиционного общества, «зависит в своей жизни от других сообществ; он представляет собой единицу в разделении труда и должен участвовать в обмене с другими сообществами... Разделение труда представляет собой сеть обменов между сообществами, посредством которых эти сообщества включаются как функционирующие части в более широкое сообщество. Это более широкое сообщество, однако, не имеет общего сознания или только очень слабое, неясное и абстрактное... Именно эта конфигурация социальных органов, трактуемая в пространственном аспекте, изучается человеческой экологией» [10, 158]. Хьюз рассматривает разделение труда как «самый могущественный фактор мобилизации людей» [10, 162]: не имея возможности подключиться к обществу через «место» в сообществе, люди вынуждены искать подключения к нему в институтах, в том числе (и прежде всего) в «местах» внутри разделения труда.

Аспект доминирования. Все три вышеописанных аспекта экологии предполагают доминирование. Каждый институт, борясь за выживание с другими институтами, стремится к монополизации своей функции [25, 11], к максимизации контроля над пространственными передвижениями [25, 9]. Доминирование института выражается в его способности мобилизовывать людей. Результатом борьбы за выживание является неравенство позиций; разделение труда соединяется с классовой структурой [46, 144]. Хьюз дал нам несколько ярких образцов анализа этого соединения – в исследовании «этнического разделения труда» в Квебеке, в исследованиях современных вариантов маргинальности и расовых отношений в промышленности.

Таковы основные компоненты хьюзовской экологии; они задают ряд *параметров*, которые необходимо принимать во внимание при изучении институтов. Это именно параметры, так как в разных случаях экологически значимые аспекты присутствуют в разных формах и конфигурациях. Хьюз объясняет возможность отдельного рассмотрения «экологического аспекта институтов» – вне «социально-психологического аспекта коллективного поведения» – тем, что в современных институтах «элемент предприятия... постоянен, а сдерживающая сила традиции минимальна» [25, 13].

Место человеческой экологии в социологии Хьюза

Социология Хьюза удостоена на сегодняшний день множества разных определений: это и «экология» [20, 623, 635], и «символический интеракционизм» [22, 135; 32], и «разновидность драматургической социологии» [20, 625], и «эколога-функционалистская макросоциология / политэкономия» [20, 642, 648], и «структурная социальная психология» [26, 303]. Хотя наклеивание ярлыка – далеко не самое важное дело в освоении идей, все-таки неверный ярлык часто реально мешает их освоению, неправильно фокусируя взгляд. В нашем случае это особенно важно: Хьюз принадлежит к числу не самых доступных для понимания авторов, при всей прозрачности его языка. Сам Хьюз говорил о себе: «Думаю, я могу вполне справедливо претендовать на то, что шел экологическим путем начиная со студенчества и по сей день» [цит. по: 20, 637]. Это высказывание, увы, нельзя принять на веру. Узкие определения социологии Хьюза, в том числе как «экологии», невозможно принять, поскольку она в них просто не умещается; она шире и богаче.

Указанные широта и богатство чаще всего определяются в терминах *двойственности*. Так поступают Ж.-М. Шапули [13, 8-9], Дж. Фот [16, 74, 79], Р. Хелмс-Хейес

[19, 389-391, 405], И.Х. Симпсон [30, 547-548, 558] и А. Стросс [32, 182]. Речь идет о двойственном внимании к экологическому и моральному порядку. Неизменно отмечается, что Хьюз унаследовал его от Парка. Хьюз, защищая подход Парка, был готов едва ли не с кулаками отстаивать «различие между моральным аспектом общества (моральным порядком) и аспектом выживания (экологическим)» [25, 106]. Яснее всего об этой двойственности у Парка пишет Ж.-М. Шапули: «Исследования, проводившиеся в Чикаго в 1920–1935 гг., можно несколько схематично охарактеризовать напряжением между двумя относительно дивергентными ориентациями, находящимися в самом сердце собственно парковской социологии: оппозицией морального порядка, возникающего из коммуникации между людьми, и экологического порядка, возникающего из конкуренции между популяциями. Первая ориентация, укладывающаяся в русло прагматизма, обращается к субъективному измерению социальных фактов и к тому, как смысл событий производится в ходе коллективной деятельности; она, тем самым, отдает предпочтение полевой работе, которая только и позволяет схватить смысл действий в ситуациях, в которых они конституируются. И наоборот, вторая обращается к “объективному” измерению социальных фактов, появляющихся в глобальном процессе эволюции... которые можно схватить такими инструментами, как карты и статистика» [13, 8]. Хьюз, в отличие от многих других чикагских социологов его поколения, сохранил это продуктивное напряжение. Он не только использовал оба ряда фактов в своих исследованиях, не только соединял их, но и строил свои понятия так, чтобы схватывать их одновременно: понятие «должность» (*office*) не только связывает объективные институты и субъективные карьеры, но и указывает на «офис»; понятие *part* означает и «часть» системы, и «роль»; понятие «нужды» (*wants*) соединяет в себе объективные «потребности» и субъективные «желания»; понятие «карьера» означает последовательность занимаемых должностей и движущееся во времени видение мира и своего Я; разделение труда делится на «техническое» и «моральное»; и, наконец, *going concern* означает и предприятие, и продолжающуюся заботу. Лучшее определение для такой двойственности предложил Р. Хелмс-Хейес, назвав подход Хьюза *интерпретативной институциональной экологией* [20, 623].

С чем нельзя согласиться в позиции Хелмс-Хейеса, так это с тремя вещами. Во-первых, вряд ли правомерно рассматривать «человеческую экологию» Парка как «тотализирующую теоретическую перспективу» [20, 623]; она была одной из равноправных перспектив в парковской попытке широкого теоретического синтеза. Во-вторых, вряд ли резонно трактовать «экологию» как основу подхода Хьюза, обогащенную интерпретативным элементом [19-22]; в этом подходе все элементы равноценны. И, в-третьих, невозможно трактовать социологию Хьюза как «дуалистическую» [20, 623, 624, 633-634, 638, 640; 22, 136]. Различить в социологии Хьюза экологию и моральный порядок как отдельные параметры можно только аналитически, но его социология была синтетической и эмпирически фундированной, и в ней, кроме экологических и социально-психологических, присутствуют на равных и другие компоненты (экономические, политические); в ней стерты следы Декартова дуализма, который еще можно усмотреть у Парка.

Скорее, это *многомерная синтетическая амальгама*, находящаяся по ту сторону различий индивидуального и коллективного, субъективного и объективного, смыслового и бессмыслового, частного и общего, «микро» и «макро», структуры и действия,

порядка и изменения, номотетического и идиографического. Отличие ее от других версий многомерной социологии, среди которых наиболее знаменита парсонсовская, состоит в том, что она никогда не отрывалась от эмпирических наблюдений. В этом заключена ее сила. Этим она нам сегодня и интересна. Экологический аспект вплавлен в эту социологию как одна из несущих пресуппозиционных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев В.Г. Очерки Луиса Вирта по теоретической социологии // *Личность. Культура. Общество*. 2006. Т. VIII. Вып. 2 (30). С. 11-20.
2. Николаев В.Г. Неопарсонизм 80-х годов XX века: Дж. Александер // *Личность. Культура. Общество*. 2006. Т. VIII. Вып. 2 (30). С. 219-235; Вып. 4 (32). С. 180-206.
3. Хьюз Э.Ч. Изучение институтов // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 118-126.
4. Хьюз Э.Ч. Институты // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. Сер. 11. Социология. 2004. № 1. С. 133-159 (а); № 2. С. 129-165 (б).
5. Хьюз Э.Ч. Институциональная должность и персона // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 127-138.
6. Хьюз Э.Ч. Исследование занятий // *Социология сегодня: Проблемы и перспективы*. М., 1965. С. 493-515.
7. Хьюз Э.Ч. Ошибки на работе // *Журнал исследований социальной политики*. 2008. Т. 6. № 3. С. 385-396.
8. Хьюз Э.Ч. Работа и досуг // *Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы*. М., 1972. С. 68-81.
9. Хьюз Э.Ч. Работа и человеческое Я // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 138-151.
10. Хьюз Э.Ч. Типы личности и разделение труда // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. Сер. 11. Социология. 2005. № 1. С. 156-172.
11. Хьюз Э.Ч. Хорошие люди и грязная работа // *Социальные и гуманитарные науки за рубежом*. Сер. 11. Социология. 2003. № 4. С. 151-166.
12. Alexander J. *Theoretical Logic in Sociology*. Vol. 4. *The Modern Reconstruction of Classical Thought: Talcott Parsons*. L. etc., 1983.
13. Chapoulie J.-M. Everett Hughes and the Chicago Tradition // *Sociological Theory*. 1996. Vol. 14. Issue 1. P. 3-29.
14. Chinoy E. Review of "The Sociological Eye" // *Sociological Quarterly*. 1972. Vol. 13. N 4. P. 559-565.
15. Daniels A.K. The Irreverent Eye: Review Essay // *Contemporary Sociology*. 1972. Vol. 1. P. 402-409.
16. Faught J. Presuppositions of the Chicago School in the Work of Everett C. Hughes // *American Sociologist*. 1980. Vol. 15. N 1. P. 72-82.
17. Heath C. Review Essay: Everett Cherrington Hughes (1987-1983): A Note on His Approach and Influence // *Sociology of Health and Illness*. 1984. Vol. 6. N 2. P. 218-237.
18. Helle H.J. Erving Goffman: a Symbolic Interactionist? // Tomasi L. (ed.) *The Tradition of the Chicago School of Sociology*. Aldershot etc., 1998. P. 179-190.
19. Helmes-Hayes R.C. "A Dualistic Vision": Robert Ezra Park and the Classical Ecological Theory of Social Inequality // *Sociological Quarterly*. 1987. Vol. 28. N 3. P. 387-409.
20. Helmes-Hayes R.C. Everett Hughes: Theorist of the Second Chicago School // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1998. Vol. 11. N 4. P. 621-673.
21. Helmes-Hayes R.C. The Sociology of Going Concerns. Everett Hughes' Interpretive Institutional Ecology // Tomasi L. (ed.) *The Tradition of the Chicago School of Sociology*. Aldershot etc., 1998. P. 217-250.
22. Helmes-Hayes R.C. The Concept of Social Class: The Contribution of Everett Hughes // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2000. Vol. 36. N 2. P. 127-147.
23. Hughes E.C. Careers // *Qualitative Sociology*. 1997. Vol. 20. N 3. P. 389-397.
24. Hughes E.C. Robert E. Park's Views on Urban Society: A Comment on William L. Kolb's Paper // *Economic Development and Cultural Change*. 1954. Vol. 3. N 1 ("The Role of Cities in Economic Development and Cultural Change"). Part 1. P. 47-49.
25. Hughes E.C. *The Sociological Eye: Selected Papers*. Chicago, N.Y., 1971.
26. Jaworsky G.D. Erving Goffman: The Reluctant Apprentice // *Symbolic Interaction*. 2000. Vol. 23. N 3. P. 299-308.
27. Jaworsky G.D. Simmel in Early American Sociology: Translation as Social Action // *International Journal of Politics, Culture and Society*. 1995. Vol. 8. N 3. P. 389-417.

28. *Plummer K.* Continuity and Change in Howard S. Becker's Work: An Interview with Howard S. Becker // *Sociological Perspectives*. 2003. Vol. 46. N 1. P. 21-39.
29. *Riesman D.* The Legacy of Everett Hughes // *Contemporary Sociology*. 1983. Vol. 12. Issue 5. P. 477-481.
30. *Simpson I.H.* Continuities in the Sociology of Everett C. Hughes // *Sociological Quarterly*. 1972. Vol. 13. N 4. P. 547-559.
31. *Smith G.W.H.* Chrysalid Goffman: A Note on "Some Characteristics of Response to Depicted Experience" // *Symbolic Interaction*. 2003. Vol. 26. N 4. P. 645-658.
32. *Strauss A.* The Chicago Tradition's Ongoing Theory of Action/Interaction // *Plummer K.* (ed.) *The Chicago School: Critical Assessment*. L.-N.Y., 1997. Vol. II. P. 172-196.
33. *Weiss R.S.* Remembrance of Everett Hughes // *Qualitative Sociology*. 1996. Vol. 19. N 4. P. 543-551.

Примечания

1. Резонно предположить, что некоторое влияние на этот выбор оказал Вебер. В статье «Изучение институтов» (1941) Хьюз указывал на необходимость включения в социологию институтов аппарата веберовских понятий – в частности, для прояснения того, как формы коллективного поведения и рационального делового предприятия «встраиваются в общество как легитимная и традиционная рутина» [3, 119]. Более того, такие понятия Хьюза, как «учреждение», «действующее предприятие», «должность», «функционал» и др., можно найти у Вебера в главе I «Хозяйства и общества» (*Вебер М.* Основные социологические понятия: Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // *Теоретическая социология: Антология / Сост. и общ. ред. СП. Баньковской.* М., 2002. Ч. 1. С. 70-146). Во всей литературе на «веберовский элемент» в социологии Хьюза обращает внимание только Р. Хелмс-Хейес [22, 141-142]. Он отмечает, что уже в 1920-е годы на занятиях в Чикагском университете использовались тексты Вебера, что в библиотеке Хьюза было несколько десятков книг на немецком языке, что Хьюз неоднократно цитировал Вебера в ранних работах, что Хьюз был в числе тех студентов Парка, которые уже в 20-е годы, т.е. задолго до выхода в свет английских переводов трудов Вебера (1946, 1947), читали Вебера по-немецки, что он рано познакомился с «Хозяйством и обществом», включал главы из этой книги в литературу к своим курсам, делал из нее выписки и использовал главу «Сословия и классы» в своем анализе классовой структуры Квебека. На то, что в его базовом концептуальном аппарате для анализа институтов прослеживается влияние Вебера, Хелмс-Хейес, однако, не указывает. (Я глубоко признателен А.Ф. Филиппову за консультацию по соответствующим местам «Хозяйства и общества».)
2. Р. Хелмс-Хейес [20, 664] трактует понятие «органическая система» неверно. Речь идет о «системе», частями которой являются «социальные органы», в отличие от «социальных сегментов» (эти понятия Хьюз заимствует у Дюркгейма), т.е. о «системе», которая скрепляется не всеохватным консенсусом, а частными консенсусами, которые обеспечивают сочленение частей в отдельных ее звеньях [см.: 10].
3. Мы принимаем здесь точку зрения Р. Хелмс-Хейеса [20, 625 и далее].

ЭВЕРЕТТ ЧЕРРИНГТОН ХЬЮЗ

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНСТИТУТОВ*

В этой статье Хьюз определяет основные контуры экологического подхода к изучению институтов. Институты определяются как любые социальные единицы, сочетающие в себе элемент учреждения и элемент коллективного поведения. Рассматривается специфика современных институтов, по сравнению с институтами традиционного общества. Выделяются и анализируются наиболее значимые экологические аспек-

* *Hughes E.C.* The Ecological Aspect of Institutions // *American Sociological Review*. Vol. 1. April, 1936. Выступление на собрании Американского социологического общества, 1935. Текст был написан по просьбе Р.Д. Маккензи, подготовившего к этому же собранию свою статью об экологии институтов.

ты современных институтов, связанные с их пространственной обособленностью и условиями и обстоятельствами их выживания; современные институты трактуются как предприятия. Даются примеры рассмотрения разных типов институтов с экологической точки зрения.

In this paper Everett Hughes suggests the framework for the ecological approach to the study of institutions. Institution is defined as any social unit combining within itself the element of establishment and the element of collective behavior. The characteristic traits of the modern institutions, in contrast to the institutions of the closed traditional communities, are outlined. Then the author explicates and analyzes the most significant ecological aspects of modern institutions related to their spatial separateness and the contingencies (i.e. conditions and circumstances) of their survival; modern institutions are treated as enterprises. Some examples of consideration of various institutions from the ecological point of view are given.

Ключевые слова: человеческая экология, институт, коллективное поведение, учреждение, пространственный аспект институтов, условия и контингенции выживания институтов, базовые и обслуживающие институты, предприятие.

Keywords: human ecology, institution, collective behavior, establishment, spatial aspect of institutions, conditions and contingencies of survival of institutions, basic and service institutions, enterprise.

Единственная идея, общая для всех употреблений термина «институт», — это идея относительно постоянного учреждения, или установления (establishment), специфически социального сорта. С этим согласятся даже те, кто, как Олпорт, признают реальность институтов только до тех пор, пока не «найлены для изучения индивиду, ведущие себя институционально» [1, 24]. Кто-то довольствуется этой идеей как достаточным определением, допуская подведение под эту категорию и простейших народных обычаев, и сложнейших «культурных комплексов». Психологи склонны придавать термину столь широкий смысл, что институты оказываются просто социальным аспектом описываемого ими поведения. Социологи предпочитают ограничивать смысл этого термина, отличая институты от более простых единиц социально установленного поведения. Так, Самнер противопоставляет их народным обычаям и нравам [4].

Другая идея, имеющая основополагающее значение для изучения человеческой жизни, — идея коллективного поведения, — вырастает из того факта, что люди явно ведут себя в ответ на поведение друг друга, так что все, что индивид делает, может быть понято лишь при условии, что в качестве точки отсчета будет взят коллектив. Иногда институты определяют через отличие от таких элементарных форм коллективного поведения, как толпа и первичная группа, особенностью которых является социальное взаимодействие, не опосредованное установленными формами (см. прим. 1).

Имеется разряд социальных феноменов, в которых элемент учреждения и элемент коллективного поведения особым образом встречаются, так что сама форма, принимаемая коллективным поведением, являет собой нечто социально установленное. В этой статье феномены этого порядка называются институтами.

Институты, в оговоренном нами смысле, есть только там, где человеческие усилия формально интегрированы. Такая формальная интеграция происходит в соответствии с каким-нибудь функционером или группой функционеров, действующими в признанных социальных должностях (offices). Должности свойственно не только

то, что она не может существовать, или осуществляться, без надлежащего признания и реакций других людей, но и то, что на место одного лица, ее занимающего, может прийти другое.

Постоянство, обычно считающееся основной чертой социального института, тесно связано с тем, что лица в должностях сменяют одно другое, а другие люди продолжают вести себя по отношению к этим последовательно меняющимся лицам определенными способами, установленными в качестве социальных ожиданий. Обычно это относительное постоянство связывают с тем, что институт предположительно удовлетворяет некоторую элементарную человеческую нужду. Но надо ясно понимать, что институт удовлетворяет нужды в их партикулярно определенных и культурно специфичных, а не общих и вечных аспектах. Следовательно, выживание института эквивалентно постоянству партикулярных определений нужд и корпоративных способов их удовлетворения. Передача этих нужд следующим поколениям — еще один из процессов, заключенных в выживании институтов.

Сохранение действенной нужды и института зависит от множества контингентных факторов. Изучение институтов состоит в такой же мере в выявлении этих контингенций, в какой и в выявлении их корней в человеческой природе. Эти контингенции возникают из неизбежных связей социальных феноменов с другими социальными феноменами и с феноменами несоциальными. Можно даже сказать, что научное изучение институтов не имеет дела с их сущностной природой, а всего лишь приводит институты в некоторые упорядоченные и понятные связи с другими феноменами, от которых они зависят. Короче говоря, изучаются условия их выживания, ибо все атрибуты институтов (за исключением коллективной природы, роднящей их с менее формальными феноменами) связаны с их выживанием по отношению к другим социальным и несоциальным феноменам.

Изолированное племенное сообщество можно представить как отдельную корпоративную единицу. Деятельности его членов интегрированы настолько плотно, что традиция может довольно легко отводить и, как видно, отводит каждому лицу его место в корпоративном целом. В таком сообществе выживание любого института подчинено по существу тем же контингенциям, что и выживание сообщества в целом. Эти контингенции весьма просты, по крайней мере в теории. По словам Рэдклифф-Брауна:

«Преемственность такой корпорации, как австралийская орда, зависит от преемственности ее владений. Во-первых, есть преемственность владения территорией. Во-вторых, имеется преемственность, превосходящая границы отдельной человеческой жизни, благодаря тому, что группа, теряя некоторых членов вследствие их кончины, приобретает новых членов за счет рождения детей и посвящения мальчиков в статус мужчин» [2, 289].

Сукцессия лиц, вступающих в статус и в должность, осуществляется посредством «естественных процессов рождения». В таком случае можно детально прорисовать, как делает в только что цитированной статье Рэдклифф-Браун, своего рода геометрию (или механику) передачи прав и статуса, благодаря которой поддерживается форма общества, и над ней будут властны лишь контингенции, проистекающие из использования обществом территории, поддерживающей его существование, и из «деяний Господа Бога».

Итак, никакой конкуренции институтов внутри такого сообщества нет. Отношения конкуренции можно изучать в терминах сообщества в целом, но не в терми-

нах его частей. Коммуникация и транспортировка – как людей, так и вещей, – являющиеся неперенным признаком цивилизаций, усложняют эту картину. В сообществах, где есть мобильность, выживание институтов подчинено контингенциям, возникающим из мобильности.

В неопубликованной статье «Экология институтов» Маккензи развивает идею, что с усложнением наших производственных технологий и требуемой для них машинерии, с ростом количества и диапазона транспортировок и коммуникаций институциональная структура сообществ усложняется. Иначе говоря, институты множатся и становятся более специализированными по своей функции. Вдобавок к тому, они становятся дискретными сущностями, каждая со своим локусом в пространстве. Поскольку участие в жизни сообщества все больше становится вопросом участия в тех или иных институциональных деятельности, то институт становится ключевой единицей для изучения тех подспудных конкурентных процессов, к которым проявляет особый интерес экология.

В усложненных цивилизованных сообществах выживание институтов невозможно значимым образом описать в простых терминах сукцессии естественных поколений. Мы должны обратиться к сукцессии в пространстве, к движениям людей и воздействию таких движений на те корпоративные единицы, через которые удовлетворяются коллективные нужды (wants), памятуя в то же время о том, что эти движения связаны с институтами и как причина, и как следствие. Там, где мобильность велика, термин «институциональное поколение» имеет мало смысла. Участие в институциональной деятельности может стать почти всецело случайным. Хотя больше всего это, наверное, касается деловых институтов, даже самые священные из них в какой-то мере подчинены контингенциям, возникающим из мобильности.

Одно из следствий мобильности и оппортунистического участия состоит в том, что большинство институтов, в отличие от более простых и гомогенных сообществ, имеют в числе своих приверженцев только часть населения сообщества. Каждый человек, в свою очередь, участвует так или иначе в некотором комплекте институтов, соответствующих его особым нуждам и его статусу в сообществе. Его комплект институтов будет в каких-то пунктах совпадать с комплектами других лиц, но ни в коем случае не во всех пунктах.

Особенности современных институтов, которые мы подчеркивали, равнозначны своего рода фискальной отдельности, которая видна в том факте, что институциональные единицы учреждаются, более или менее долго или недолго выживают и исчезают, тогда как сообщество в целом продолжает существовать. Именно их фискальная отдельность и вытекающая из нее ненадежность их существования делают институты по необходимости предприятиями (enterprises). Предприниматель – это человек, предпринимающий попытку скоординировать деятельности других; он принимает решения и входит в столкновение с контингенциями. Эта функция, хотя и выполняется в рудиментарном виде даже в простых племенных сообществах, становится решающей чертой институтов в обществе, где нравы, как бы они ни функционировали, не предопределяют заранее, что индивид разместится в каркасе таких-то корпоративных единиц и будет оставаться в этом каркасе всю жизнь (см. прим. 2).

Обычно предприятие ассоциируется с бизнесом – вероятно, потому что бизнес, по определению, состоит из деятельностей, наиболее свободных от традиционного контроля. Отсутствие такого контроля дает предприятию свободу действий; и то же

самое можно выразить словами, что конкуренция ничем не обуздывается. Парк и Берджесс говорили о конкуренции, что она «неизменно стремится создать безличный порядок, в котором каждый индивид, будучи свободен в преследовании собственной выгоды, и, в некотором смысле понуждаем к этому, делает всякого другого индивида средством для достижения этой цели» (см. прим. 3). Даже если о выгоде в денежном смысле речи не идет, функция предприятия в институте выражена в той мере, в какой он выживает путем сознательной мобилизации людей через их нужды и чувства каким-нибудь активным агентом (см. прим. 4).

Главное во всем этом то, что в нашем обществе свободное предприятие является если и не постоянным в количественном отношении, то, по крайней мере, непременно присутствующим компонентом наших институтов. И именно потому нам нужен метод для изучения обстоятельств (*circumstances*), при которых в условиях предпринимательства и наших нравов выживают те или иные институциональные формы.

Как раз теперь уместно будет сказать, что институты в нашем мире являются не только отдельными предприятиями, но к тому же и пространственно обособлены. Они не обязательно взаимно исключают друг друга в пространстве, но располагают отдельными и наблюдаемыми центрами (*seats*), или фокальными точками, деятельности. Распределение их приверженцев может переплетаться с распределением приверженцев множества других институтов. По сути, именно центры их деятельности бросаются в глаза. Движения людей в них и из них и их скрытые подключения к другим институтам нужно выяснять в каждом случае отдельно. Будучи выявленными и соотнесенными с данными по другим единицам, они дают ключи к функциональным связям институтов. Институциональные подключения индивида позволяют обнаружить «комплект» институциональных услуг и деятельностей, из которых складывается его жизненная экономия, или, если угодно, его стандарт жизни, а линии взаимозависимости между институтами позволяют таким же образом обнаружить комплект институтов, из которых складываются сообщества.

Теперь возникает вопрос, отражают ли пространственные отношения и если да, то при каких обстоятельствах, те конкурентные процессы, которые относятся к выживанию институтов. Зиммель в главе, посвященной пространственному аспекту социальных форм, отмечает, что именно движение вокруг крупных фиксированных центров, или фокальных точек (*Drehpunkte*), отличает цивилизацию от племенной жизни [2]. В последней маленькие закрытые группы кочуют как целостные образования, хотя в действительности в пределах небольшого диапазона. Цивилизация характеризуется не только фиксацией определенных фокальных точек (городов), но также широким диапазоном и свободой передвижения. Эти центры приобретают межплеменной характер, и взамен родственных или иных закрытых групп вырастают институты контроля на территориальном базисе. Цивилизация, можно сказать, начинается там, где тот или иной аспект жизни реорганизуется в соотнесении с некоторой точкой, внешней по отношению к локальному племенному сообществу; иначе говоря, она начинается с ростом межплеменных центров, прототипами которых являются храмы и центры торговли (см. прим. 5).

Эти центры социально учреждаются как символы, главенствующие над чувствами людей на обширной территории и в течение больших промежутков времени. Это также фокальные точки транспортных потоков, путешествий и коммуникации. Они не столько занимают пространство, сколько интегрируют и контролируют дви-

жение внутри него. Это характерно, видимо, не только для городов, но и для наших основных институтов. Иначе говоря, по сравнению с институтами любой другой эпохи наши крупные институты более открыты в аспекте пространства, над которым они доминируют, и более фиксированы с точки зрения центрального места (seat).

Зиммель предполагает в этой связи наличие фундаментального различия в том, как социальные структуры занимают пространство. Одни, говорит он, взаимоисключают друг друга в пространстве; другие занимают одно и то же пространство [3, 462]. Государства, например, сталкиваются в пространстве; они поддерживают суверенитет над индивидами независимо от их клановых, расовых, религиозных или иных аффилиаций. Макс Вебер в схожем ключе говорит, что государство существует, в конечном счете, в эффективной монополии на применение силы на данной территории (см. прим. 6).

Свойство закрытого пространства присуще и другим институтам. Например, рэкет держится на применении силы для сохранения монополии над той или иной функцией в пределах некоторой территории. И государство, и рэкет входят в вооруженные конфликты за территориальные границы с другими единицами того же разряда. Для таких институтов поддержание границ имеет решающее значение.

Большинство институтов не могут быть разграничены таким взаимоисключающим образом. Их центры могут быть локализованы, а их территории (constituencies) – нанесены на карту в соотнесении с ними. Но их пространство, так сказать, открытое. Институты, у которых есть клиентура (clientele) – группа людей, для которых они выполняют какую-то специализированную услугу, – могут брать клиентов с той же территории, что и другие институты, выполняющие схожую услугу для других людей или какую-то другую услугу для тех же людей.

Такие институты могут состязаться за благосклонность индивидуальных клиентов; лица, оказывающие им финансовую поддержку, могут считаться чем-то вроде заказчиков, постоянных покупателей. Институты «с постоянной клиентурой» («customer» institutions) имеют тенденцию размещаться в соотнесении с вероятными передвижениями населения, а также в соотнесении с конкурентами, с которыми они борются за обретение не меньшей доступности для людей, чьи нужды они эксплуатируют.

Если два института делают ставку на одних и тех же людей, то либо они находятся в конкуренции, либо услуги, предоставляемые ими, несколько различны. В какой-то мере они могут конкурировать даже в последнем случае, поскольку люди располагают лишь ограниченным запасом времени, сил и денег, которые можно потратить. Чтобы выжить, институт должен найти себе место в стандартах жизни людей, а также в их чувствах. Есть основания считать, что в этом плане есть некоторая конкуренция даже между церковью и кинотеатром и что определенную роль в этой коллизии может играть пространственная доступность.

Более того, даже открытым институтам свойственна тенденция приближаться к монополии над каким-либо аспектом поведения; это значит, что они тоже стремятся к установлению территориальной монополии на некоторую функцию. Например, рыночные институты образуют картели и таким образом превращают свои услуги в своего рода коммунальные услуги в пределах некоторой замкнутой территории.

Даже протестантские церкви теперь видят идеал в эксклюзивном территориальном приходе. Этого можно добиться лишь путем такой стандартизации религии, при которой в данном ареале можно будет учредить церковь, настолько устраиваю-

щую всех живущих там протестантов, что никакой конкурирующей церкви уже не возникнет.

Католическая церковь может достичь этого идеала в чисто католической стране, где никакие другие виды религиозных услуг никому не нужны. Религия становится коммунальной услугой, доступной всем через монополию. В таком случае приход может выживать вопреки значительной мобильности населения. Но даже и здесь есть классовые различия, делающие приходы отличными друг от друга по стилю проповедования и по деталям приходской организации и функции. Когда успехом привносятся культурные и языковые различия, даже католическая приходская церковь сталкивается с проблемой выживания и границ прихода, находящегося на ее попечении.

Пока мы говорили об институтах, выживающих за счет «обслуживания» клиентур, для которых они должны быть доступными. Такие институты особенно жестко подчинены контингенциям, возникающим из пространственного движения населения. Их пространственные отношения, по-видимому, являются функцией передвижений, которые сами они не производят и не контролируют. Некоторые институты, напротив, определяют природу тех сообществ, в которых они располагаются. Маккензи называет их базисными институтами. В общем и целом, они могут закрепляться на каком-то месте тяжелым капитальным оборудованием, которого они требуют, а также тонкой сетью связей с более широким регионом и даже традицией. Их специфическая и значимая особенность, однако, состоит в том, что обычно они собирают вокруг себя конфигурацию других институтов и создают таким образом некоторого рода сообщество. Так, вокруг крупного университета вырастает научный центр, а вокруг крупного промышленного предприятия — сообщество, несущее на себе его специфический отпечаток.

Именно в отношении базисных институтов, в этом смысле, наиболее интенсивно применялся экологический метод использования пространственных конфигураций как индексов функциональных взаимосвязей (см. прим. 7). Обычно этот метод применяли к сообществам, в которых базисными являются институты самого секулярного типа, а именно институты рынка и институты, производящие продукцию для рынка. Такие институты стремятся занимать свое пространство самым свободным образом и обычно очень чувствительны к изменениям в способах транспортировки и коммуникации; при этом они создают вокруг себя типичные констелляции других институтов, от крупных до маленьких. Некоторые из них неизменно загрязняют собственные гнезда и, возможно, ведут себя к гибели.

Возможно, в большинстве сообществ деловые институты являются базисными. Если они изначально не являются таковыми, то могут таковыми стать. Несомненно, что в таком сообществе, как Сент-Ан-де-Бопре, храм приобрел узнаваемо деловой характер, и благополучие всех других институтов, вплоть до самой последней семьи, зависит от числа стекающихся в него паломников. Точь-в-точь так же небольшой университетский городок принимает своего рода деловую установку по отношению к своему университету.

Кроме того, экология интересовалась базисными институциональными формами, вырастающими на фронтах западного коммерческого и индустриального мира, такими, как плантация, эксплуатирующая местную рабочую силу в производстве продукции для мирового рынка. Хотя плантация, возможно, и политический ин-

ститут, как предположил Томпсон в докладе, прочитанном на заседании Общества год назад, это также и ключевая форма делового предприятия в переориентации племенной жизни на более широкий мир.

Из менее коммерческих институтов больше всего исследовались экологическим методом протестантские церкви. В этой связи можно упомянуть исследования, которыми занимались в последнее время люди, заинтересованные в превращении протестантских церквей в эффективные предприятия. Они негласно исходят из того, что это нужно делать, адаптируя церковь к сообществу; похоже, они не придерживаются мысли, что церковь – это базисный институт. Их предтечей был Чарлз Бут, выдвинувший гипотезу, что церкви Лондона значительно варьируют по своему характеру от ареала к ареалу независимо от деноминации. Он утверждал, что религиозные институты, эксплуатирующие особую смесь сентиментальной ортодоксии и безнадежной тяги к греху, присущую лондонским беднякам, одинаковы по форме, к какой бы деноминации они ни принадлежали и какую бы доктрину ни проповедовали. Все должны прибегать к одинаковым средствам, чтобы выжить. Кроме того, он связывал религиозные, а также другие институты со стандартом жизни. Эта гипотеза, поскольку она касается церкви не в духовном, а в состязательном ее аспекте, или аспекте выживания, предполагает экологическую точку зрения (см. прим. 8).

Некоторые исследования семьи, такие, как работа Фрейзера о негритянской семье в Чикаго и работа Чарлза С. Джонсона о сельских негритянских семьях, могут быть названы экологическими. Это исследования условий, в которых при заданном состоянии нравов семья будет выживать как совместное предприятие.

А это, как мне кажется, именно экологический аспект институтов. Он берется вне социально-психологического аспекта коллективного поведения. В случае таких рыночных и промышленных институтов свободного мира, как у нас, этот подход кажется вполне оправданным, ибо элемент предприятия здесь постоянен, а сдерживающая сила традиции минимальна. Даже наиболее сакральные институты подчинены необходимости в какой-то мере конкурировать, для того чтобы выжить. Каждый институт как продолжающееся дело (*ongoing affair*) имеет секулярный аспект. Более сакральные институты могут реагировать на изменения в окружающем мире не так быстро. Но если они вообще на них реагируют, то можно рассматривать их в том аспекте, в котором мы предложили.

Экологический метод не имеет и не может иметь дела с теми институтами, которые совершенно индифферентны к пространственным контингентам. Мы можем, разумеется, усомниться, действительно ли они к ним индифферентны, однако некоторые сектантские институты могут быть сравнительно такими.

Кроме того, экология не уделяла внимания пространственно закрытым институтам, особенно государству, хотя государства, несомненно, зависят множеством способов от процессов, ею описываемых. Связь между политическими феноменами и экологическими процессами еще не получила того внимания, которого она заслуживает.

Резонно спросить, не могут ли состязательные процессы в каком-нибудь плановом обществе настолько рационально контролироваться, что выживание институтов перестало бы подчиняться обсуждавшимся здесь контингентам. Поскольку планирование, видимо, означает такую координацию предпринимательства в отношении заданных функций в пределах замкнутой территории, при которой соответствующие институты превратились бы в коммунальные службы, то его успех, воз-

можно, зависит от правильного понимания состязательных процессов и связей, задающих пределы, в которых такая координация может быть осуществлена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Allport F.H.* Institutional Behavior. Chapel Hill, 1933. P. 24.
2. *Radcliffe-Brown A.R.* Patrilinear and Matrilinear Succession // Iowa Law Review. 20, Jan., 1935. P. 289.
3. *Simmel G.* Soziologie. Munchen, 1908, 1923. Chap. IX.
4. *Sumner W.G.* The Folkways. Boston, 1906. Par. 63.

Примечания

1. *Cooley C.H.* Social Organization. N.Y., 1921. P. 30, 319, *et passim*. См. также: *Faris E.* The Primary Group: Essence and Accident // American Journal of Sociology. Vol. 38, July, 1932. P. 41-50. Зиммель в своей *Soziologie* (S. 14-15) сетовал, что социальная наука до сих пор уделяла внимание только «тем общественным явлениям, где взаимодействующие силы уже выкристаллизовались из их непосредственных носителей», игнорируя более непосредственные, интимные и мимолетные формы взаимодействия. Иначе говоря, внимание уделялось лишь более масштабным, более формальным и институциональным аспектам социальной жизни. (Цитата из Зиммеля приводится по рус. переводу: *Зиммель Г.* Проблема социологии // Западноевропейская социология XIX – начала XX веков: Тексты. М., 1996. С. 429-430. – *Прим. пер.*)

2. Любопытно в этой связи, что предприниматель и деловое предприятие, несколько обделенные вниманием в «шахматной» классической политэкономии, стали предметом особого интереса в институциональной экономике. Работы Вернера Зомбарта, например, посвящены прежде всего формам хозяйственного предприятия и типам предпринимателя, характерным для капитализма. См. также статьи Пола Т. Хома «Экономика: Институциональная школа» и Мориса Добба «Предприниматель» в *Encyclopaedia of the Social Sciences*.

3. *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago, 1921, 1969. P. 508. (Цитата приводится с небольшим корректирующим изменением по рус. переводу: *Парк Р.Э.* Конкуренция // Теоретическая социология: Антология / Сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. М., 2002. С. 394.)

4. Недавние исследования, проведенные Чарлзом С. Джонсоном и Э. Франклином Фрейзером, на наш взгляд, показывают, что негритянская семья имеет гораздо больше шансов выжить там, где владение имуществом или профессиональный статус дают семье стимул держаться вместе. Иначе говоря, семью поддерживает в ее существовании не автоматическое функционирование нравов, а дисциплинированное предприятие.

5. См. статьи «Священные места» («Holy Places»), «Халифат» («Caliphate») и «Папство» («Papacy») в *Encyclopaedia of the Social Sciences*, а также «Мекка» («Mecca») и «Лхаса» («Lhasa») в *Encyclopaedia Britannica*, 11th ed. Значимой чертой империалистической экспансии является именно эта переориентация локальной жизни на внешние центры. Даже в западном мире этот процесс постоянно вытягивает более провинциальные регионы в основные течения индустриальной жизни. Например, во французской Канаде социальные изменения, вызванные инициированным англоязычными людьми развитием промышленности, не принимают форму индивидуального бегства из французской жизни в английскую, а протекают по пути интеграции все большего числа сторон жизни вокруг институтов, фокальной точкой которых является город Монреаль. Газеты, профсоюзные и рабочие организации, братства (fraternal orders), бизнес и промышленность – лишь некоторые из институтов, в которых можно уловить эту переориентацию.

6. *Weber M.* Politik als Beruf // Gesammelte politische Schriften. S. 397. (Рус. пер.: *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.)

7. См.: *McKenzie R.D.* The Metropolitan Community. N.Y., 1933; а также разные статьи этого же автора.

8. *Booth C.* Life and Labour of the People of London. London, 1902. 3rd series, “Religious Influences”. Vol. 7, “Summary”. См. также: *Douglass H.P.* Church Comity. N.Y., 1929. Дугласс признает, что церкви отражают стандарты жизни людей (P. 2); а, следовательно, любое движение населения, влекущее изменение стандарта жизни в ареале, угрожает существующим церквям.

Пер. с англ. В.Г. Николаева